Чудакова Марина Станиславовна

С. В. ЗУБАТОВ И ЗУБАТОВЩИНА

В статье раскрывается многообразие форм и методов борьбы органов политического сыска с оппозицией на рубеже XIX-XX вв.: от внедрения секретных агентов до создания (в рамках политики "полицейского социализма") легальных рабочих организаций, призванных ограничить рабочее движение рамками экономической борьбы, исключив борьбу рабочего класса за свои политические права.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 211-215. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930:001.92; 930.001.8

В статье раскрывается многообразие форм и методов борьбы органов политического сыска с оппозицией на рубеже XIX-XX вв.: от внедрения секретных агентов до создания (в рамках политики «полицейского социализма») легальных рабочих организаций, призванных ограничить рабочее движение рамками экономической борьбы, исключив борьбу рабочего класса за свои политические права.

Ключевые слова и фразы: политический сыск; охранное отделение; «полицейский социализм»; зубатовщина.

Марина Станиславовна Чудакова, к.и.н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
marichud@rambler.ru

С. В. ЗУБАТОВ И ЗУБАТОВЩИНА©

На рубеже XIX-XX вв. особую актуальность приобрел рабочий вопрос. Рабочее движение стало представлять самую серьезную опасность для существующего строя. Традиционные средства борьбы – массовые аресты, ссылки – не только не ослабляли, а еще больше усиливали его протестный характер. В поисках выхода из создавшегося положения некоторые государственные деятели начинают поддерживать особую политику, которая вскоре получила название «зубатовщина» – по имени ее главного вдохновителя, начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова.

Обозначились два направления в деятельности Зубатова: с одной стороны – беспощадная борьба с революционным движением, с другой – стремление удержать рабочее движение в рамках сугубо экономической борьбы, отвлечь его от политики, нейтрализовать влияние революционеров. А для этого, считал Зубатов, необходимо, взяв рабочее движение под свой контроль, умело руководить им и в случае необходимости оказывать рабочим определенную поддержку в борьбе с предпринимателями. Рассмотрим подробнее каждое из этих направлений.

Эффективность работы органов политического сыска зависела от степени их информированности об оппозиции. Основные данные о деятельности противоправительственных партий и организаций могла дать только внутренняя агентура. Методику работы с секретными сотрудниками предложил С. В. Зубатов, ставший в 1896 г. во главе Московского охранного отделения. Примечательна личность самого Сергея Васильевича. Родился в семье обер-офицера в 1864 г. За участие в ученическом кружке был исключен из 7 класса гимназии. В 1883 году арестован и выпущен под залог. Завербован в качестве секретного сотрудника начальником Московского охранного отделения Н. С. Бердяевым в 1885 г. С помощью Зубатова в 1886-1888 гг. было разгромлено московское революционное подполье, арестовано свыше 2 000 человек. С 1894 г. – помощник, а с 1886 г. – начальник Московского охранного отделения (до 1902 г., позже – начальник Особого отдела Департамента полиции). Оказавшись во главе московской охранки, он не мог не обратить внимания на растущее рабочее движение и на появившиеся социал-демократические организации. Зная эту среду, благодаря увлечениям молодости, Зубатов стал искать пути легализации рабочего движения с целью контроля над ним. «Зубатов, – писал П. П. Заварзин, – был одним из немногих правительственных агентов, который знал революционное движение и технику розыска. В то время политический розыск в империи был поставлен настолько слабо, что многие чины его не были знакомы с самыми элементарными приемами той работы, которую они вели, не говоря уже об отсутствии умения разбираться в программах партий и политических доктринах. Зубатов первый поставил розыск в империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры» [Цит. по: 8, с. 4]. Понимая, что успешность борьбы с революционным движением зависит от осведомленности розыскного органа, основное внимание Зубатов уделял именно секретной агентуре. Ее состояние до Зубатова было охарактеризовано на процессе провокатора И. Окладского П. Е. Щеголевым. Он отмечал, что постановка агентуры была налажена в начале XX века, а «до того времени эта работа велась кустарно: попадается человек – тогда период хорошего освещения, а затем человек провалится или уйдет в другую сторону, тогда оставались как без рук. Было плохо поставлено и внешнее, и внутреннее наблюдение» [12, с. 18]. Намечая «жертву» в среде арестованных, подолгу «за чашкой чая» беседуя с ними о неправильности избранного революционерами пути, вреде, наносимом государству, он делал предложение помогать правительству в борьбе с освободительным движением. Результаты таких бесед были различны: либо следовало согласие на сотрудничество, либо революционеры «сбивались беседами Зубатова со своей линии, уклонялись от нее, другие же совсем оставляли революционную деятельность» [13, с. 49]. Не избежал этой участи известный по последующей революционной и антиреволюционной борьбе Гершуни. А. И. Спиридович в своих воспоминаниях писал, что агентурные данные позволяли сослать Гершуни в Сибирь, но Зубатов захотел сломить его идейно. «В результате Гершуни дал подробные показания и тем купил себе свободу. Он был освобожден и вернулся в Минск. Очутившись на свободе, Гершуни оправился от влияния Зубатова и отомстил правительству» [Там же].

© Чудакова М. С., 2012

По мнению А. И. Спиридовича, Зубатов видел в сотрудничестве нечто идейное, а не просто куплю-продажу. Он учил офицеров бережному отношению к секретным сотрудникам: «Вы... должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг и вы ее опозорите... Относитесь к этим людям так, как я вам советую, и они поймут Вас, доверятся Вам и будут работать с Вами честно и самоотверженно» [Там же]. В целях успешности сыска Зубатов советовал никогда, никому и ни при каких обстоятельствах не называть имени сотрудника, не делая исключения для начальства. Он рекомендовал самим офицерам «забыть» фамилию секретного сотрудника и помнить его только по псевдониму. Зубатов давал понять неизбежность наступления такого момента, когда секретный сотрудник сам должен оставить свою работу. В таком случае необходимо было позаботиться о нем, устроив на легальное место, исхлопотать пенсию. Он отмечал, «что, перестав работать в революционной среде... он будет полезен и дальше для государства... вы приобретете друга для правительства» [Там же, с. 50].

По мнению Спиридовича, проводя в жизнь такие взгляды, Зубатов «сумел поставить внутреннюю агентуру на редкую высоту», осведомленность отделения была такой «изумительной», что даже вести революционную борьбу в Москве считалось «безнадежным делом» [Там же]. Возглавив Особый отдел Департамента полиции, Зубатов объявил о намерении преобразовать последний во «всероссийскую охранку». С этого момента одним из приоритетных направлений в деятельности отдела стала работа с секретной агентурой. Позже, 1 декабря 1906 г., в письме к Бурцеву он так оценивал свою деятельность в этот период: «Начиная с 1897 г., я пытался найти почву для примирения. Для этого я сам беседовал с арестованными, изучал их, докладывая о результатах сношений с ними верхам, ломая с ведома последних целые дела, взывал к реформам, доказывал выгодность всего этого и с полицейской точки зрения, и с личной точки зрения тех, кому вольготно весело живется на Руси» [8, с. 64]. И если революционеры видели в этом «провокаторство и заигрывание», то консервативные круги называли это гениальничанием. Сам Зубатов понимал под этим правильно понятую монархическую идею, которая «в состоянии дать все важное стране при разведенности общественных сил, причем без крови и прочих мерзостей» [Там же].

Таким образом, отрицая репрессии в отношении революционного движения, ведущие, по его мнению, лишь к отсрочке падения трона, С. В. Зубатов искал новые методы борьбы с революцией. Основная мысль состояла в том, чтобы, легализовав рабочее движение, предоставить законный отвод недовольства трудящихся своим положением улучшением условий их существования. Однако в таком случае, как считал Зубатов, существовала другая опасность – вероятность чрезмерных ожиданий рабочих от правительства, что опять-таки будет на руку революционерам. Поэтому, призывая к борьбе с идеологами, он отмечал в письме Л. А. Ратаеву 19 сентября 1900 г., что, «борясь с ними, помните всячески: бей в корень, обезоруживая массы путем своевременного и неустанного правительственного улучшения их положения на почве мелких нужд и требований» [5, с. 210-211]. Далее Зубатов писал, что «девизом внутренней политики должно быть поддержание равновесия среди классов, злобно друг на друга посматривающих… Для равновесия (в качестве противоядия) с чувствующей себя гордо и поступающей нахально буржуазией нам надо прикармливать двух зайцев: укрощая буржуазию и идеологов и располагая к себе рабочих и крестьян» [Там же]. В этом, по словам Зубатова, и есть суть планируемых начинаний.

Появление зубатовщины имело свои причины и предшественников. Одним из них был Г. П. Судейкин, начинавший умело вербовать попавших к нему революционеров, запретивший скоропалительный арест уже выслеженной жертвы, требуя разработки ее связей. Он подсаживал в соседние камеры к народовольцам своих агентов, которые, перестукиваясь, называли себя фамилиями заранее изолированных революционеров и добывали нужную информацию. Из причин следует назвать отсутствие в России действенного трудового законодательства.

Созданный в 1882 году институт фабричных инспекторов, призванный регулировать отношения между рабочими и хозяевами, не удовлетворял обе стороны. Литературный агент С. Ю. Витте В. И. фон Штейн писал следующее о русском фабричном законодательстве: «Созданное едва ли не исключительно в целях охранения порядка, оно с положительною помощью рабочим выступает лишь там, где это совпадает с полицейскими целями или где сама жизнь особенно настойчиво выставляет свои властные требования» [Цит. по: 9, с. 229]. Ему вторили и сами владельцы промышленных предприятий. Так, Московское отделение Совета торговли и мануфактур, рассмотрев выработанный «Проект правил об ответственности владельцев промышленных заведений за увечье и смерть рабочих» сделало свои выводы. В итоговом документе, в частности, отмечалось, что «при издании проектируемого закона вместе с ограждением интересов рабочего класса одинаково необходимо принять все меры и к ограждению владельцев промышленных предприятий, при правильности их действий, от произвола неблагонамеренных людей и различных случайностей» [2, д. 415, л. 1 об.]. Законодательство и инструкции о решении трудовых споров оказались настолько неприспособленными к действительности, что Витте уповал лишь на «нравственный авторитет» своих инспекторов. МВД старалось получить фабричных инспекторов в свое ведение, чтобы, подчинив их фабричной полиции, сотрудниками которой они бы стали, сделать их более заинтересованными в мирном разрешении конфликтов между рабочими и хозяевами, так как в таком случае полиция и инспектора оказывались бы по одну сторону баррикады. Однако полиция все равно оказывала на инспекторов давление, и лишь иногда они вместе выступали посредниками в переговорах между рабочими и хозяевами.

Министр внутренних дел Д. С. Сипягин писал: «Масса беспорядков, волнений и вообще проявлений дикой необузданности рабочих исчезли бы или, по крайней мере, значительно сократились бы, если бы обращено было достаточное внимание на характер развлечения и отдыха рабочих, образованием при фабриках столовых, чайных, читален. Наряду с этим необходимо озаботиться устройством фабричных школ для подрастающего поколения рабочих» [1, с. 30]. Однако ничего из названного, за редким исключением, хозяевами фабрик не делалось.

С этими идеями перекликались и мысли Зубатова. Как бы продолжая, он отмечал, что «за массой надо ухаживать. Она нам крепко верит, но эту веру и стараются в ней поколебать как оппозиция, так и революционные пропаганды. Необходимо питать эту веру фактами попечительства – и тогда… всяческая оппозиция бессильна» [5, с. 211]. Еще в 1882 году Департамент государственной полиции предпринял попытку изолировать сельское население, «беззаветно преданное престолу» и представляющее «надежный оплот существующего государственного порядка» [3, д. 246, л. 18]. Было признано необходимым созвать совещание, пригласив на него начальников ГЖУ и губернаторов. Планировалось «совместно обсудить меры, которые возможно было бы принять, по пресечению людям неблагонамеренным вредно влиять на крестьянское население…» [Там же].

Находясь на посту начальника Московского охранного отделения, С. В. Зубатов разработал и реализовал особую систему, получившую известность под названием «зубатовщины», систему отвлечения рабочего класса от политической борьбы. В 1901 г. по его инициативе в Москве было создано «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», а позднее – другие подобные организации, например «Общество взаимного вспомоществования текстильщиков». В нем движение носило бурный характер и было более массовым (1 200 рабочих). В записке, поданной Зубатовым в 1902 г. обер-полицмейстеру Трепову в связи с утверждением устава общества, предлагался целый ряд мер, отвлекающих рабочих от революции. «Полное и наибольшее улучшение быта каждого класса, в том числе рабочего, возможно лишь в той мере, в какой он занимает прочное место среди существующего строя, становясь одним из органов этого строя, а не его разрушителем» [1, с. 39]. Именно здесь развертывался далее план отвлечения рабочего класса от революционного движения и превращения его в консервативную силу, «опору патриархальных жизненных устоев и царского самодержавия» [Там же]. С этой целью, по мнению Зубатова, необходимо было использовать связь рабочих с деревней, заманивать их перспективой дешевой покупки земли с тем, чтобы, «достаточно на своем веку поработав, они могли бы спокойно и выгодно свой век доживать в деревне» [Там же]. Устав 1902 г. окончательно закрепил экономическую практику зубатовщины. Конкретно задачи Зубатова в экономической области распадаются на два момента: «1) защита интересов рабочих и 2) поддержание порядка и законности в отношении рабочих к хозяевам» [Там же, с. 40]. Тем самым защита рабочих связывалась с чисто политической задачей охраны порядка и спокойствия. Та же записка развивала мысль о мирных реформистских профсоюзах, так как «профессиональное рабочее движение возникло вопреки революционной идее и лишь поскольку революционная идея не была в силах отвратить рабочих от профсоюзного движения» [Там же].

После организации зубатовского «общества» встал вопрос о его руководителях. И здесь ярко просматривалось стремление изолировать интеллигенцию как «руководителей вредных… которые думают о либеральных новшествах и революционных переворотах» [Там же], и выдвинуть руководителей рабочей организации из их собственной среды. Обоснование Зубатовым «чисто рабочего дела» совпало с мнением экономистов. «Прочел сегодня заметку в “Русских ведомостях” о вышедшей книге Бернштейна “Исторический материализм” и душою затрепетал. Вот наш союзник против безобразной “русской социал-демократии”», – отмечал он [Там же, с. 41].

При этом, как мы видим, речь отнюдь не шла о законодательном расширении прав рабочего. В своей записке он писал: «Уверение, что лишь одно законодательное расширение прав рабочих заставит их отойти от революционеров и почувствовать полное доверие к окружающим условиям, – конечно, неправильно» [Там же]. Зубатов видит задачу в отвоевании у революционеров доверия, которым они сильны, а средством этого, по его мнению, является «административное благожелательство рабочим» [Там же].

Все это хорошо видно на примере деятельности московского общества. Охранное отделение разрешило его членам собираться раз в неделю и в небольшом количестве в чайной, где старший фабричный инспектор мог бы от них самих получать заблаговременные сведения о затеваемых недоразумениях и беспорядках. Здесь же предусматривалось разъяснение целей деятельности общества. В итоге эти рабочие должны были стать «глазами и ушами» охранки на заводах и фабриках. Это подтверждалось многими фактами. В листовке МК РСДРП (январь 1902 г.) отмечалось, например, что от рабочих, присутствовавших на собрании, потребовали «следить за такими людьми (“один из рабочих был прогнан за то, что сказал правду”), назвал их неблагонадежными... Яковлев всех нас просит быть шпионами, вспомните, что Булгаков потребовал записывать всех ораторов пофамильно. Для чего? Конечно, по приказанию Трепова, чтобы знать, кого бросить в тюрьму, если он скажет правду» [7, с. 74].

В письме Лемтюжникову Зубатов описывает случаи, когда на таких собраниях давался сильный отпор тем рабочим, которые называли Афанасьева и Красивского (руководителей зубатовской организации) провокаторами. Были случаи, когда отбирали принесенные для раздачи прокламации. Причем сами рабочие вызывались следить за появлениями нелегальщины. На своих совещаниях члены организации отмечали подозрительных лиц. После чего Зубатов с удовольствием заключал: «Кончилась история тем, что такие рабочие или вовсе прекратили говорить ввиду шиканья и свиста, или прекратили свои посещения собраний» [1, с. 48].

Таким образом, если сначала зубатовские организации ставили исключительно культурно-просветительные отвлекающие цели, то потом стали переходить к экономическим формам деятельности, являясь довольно эффективным клапаном, через который отводилось недовольство рабочих. В брошюре М. Григорьевского «Полицейский социализм» так описывается деятельность зубатовских представителей: «С открытыми листами, выданными Московским обер-полицмейстером, рабочие-зубатовцы входили на фабрики вопреки запрету их владельцев и вступались здесь за рабочих перед фабричной администрацией, действуя от имени “союза московских рабочих”» [4, с. 11].

Сообщения фабричной инспекции также свидетельствуют о заметной роли зубатовских организаций в формировании экономических требований рабочих. В частности, отмечается: «Результатом возникновения рабочего движения (зубатовщины) был целый ряд забастовок, число коих в настоящем году весьма значительно превышает обычную норму». И даже «в умах рабочих... создалось непоколебимое убеждение, что эти организации созданы высшим правительством с исключительной целью защиты интересов рабочих против фабрикантов, вследствие чего все разъяснения и обещания, исходящие от главных деятелей этих организаций, принимаются рабочими со слепой верой, несмотря на явную иногда их нелепость» [1, с. 56].

Очевидно и то, что некоторые рядовые зубатовцы и часть их руководителей низшего звена понимали свою роль значительно шире и шли гораздо дальше, чем предполагало высокое руководство. Поэтому их действия не могли не вызвать недовольства и сопротивления со стороны предпринимателей. В то же время для подтверждения «нужности» зубатовских организаций рабочим были необходимы частные уступки. Так, на фабрике французского подданного Гужона агенты Зубатова (рабочие Афанасьев, Жилкин, Янченков и др.) организовали стачку. Основное требование – возвращение рабочим 40 тыс. рублей, незаконно удержанных из заработной платы. Гужон отказался выполнить это требование. Вмешавшись в конфликт, Зубатов пригрозил фабриканту арестом и высылкой из страны, если тот будет продолжать провоцировать рабочих. Плеве (министр внутренних дел с 1902 г.) сделал ему «внушение» и призвал быть более осторожным. Однако вскоре Зубатов, собрав представителей торгово-промышленного сословия, заявил, что они «своими неумными действиями в отношении рабочих провоцируют последних на анархические действия, приближают революцию в России, что на многих заводах и фабриках обсчеты рабочих, при получении жалованья, незаконные штрафы приняли грандиозные размеры, и владельцы этих заводов и фабрик превратились в обычных мошенников, что ужасающие условия жизни рабочих, созданные предпринимателями, объективно толкают их на антиправительственное выступление» [6, с. 321].

Министр внутренних дел В. К. Плеве был в оппозиции к С. В. Зубатову по вопросам «полицейского социализма». Но, имея высоких покровителей в лице великого князя Сергея Александровича, Д. Ф. Трепова, заведующий Особым отделом Департамента полиции Зубатов был пока неуязвим. Но в том, что их подопечный нашел правильный путь в борьбе с революционным движением, не были уверены и сами покровители. Зубатов также признавал: «Вообще главною точкою преткновения в легализации рабочего движения был вопрос: а не падет ли эта организация на голову самого же правительства? Долго колебавшийся Трепов наконец воскликнул: “Ну, да штыков у нас хватит! Будем делать, как велят наши совесть и разум”» [11, с. 87].

Летом 1903 г. в Одессе началась забастовка, организованная поначалу агентами Зубатова. Распространившись на весь юг России, она вскоре приняла политический характер и вышла из-под контроля. В июне был арестован Г. Шаевич – агент Зубатова. Последний также почувствовал шаткость своего положения, но все предпринятые меры не дали результата. Почувствовав угрозу своему положению, Зубатов решил искать поддержку у Витте. Однако последний отказался его принять. Князь В. П. Мещерский, имевший влияние при дворе, также не только не помог Зубатову, но и рассказал о его визите В. К. Плеве. Последовала отставка: 20 августа 1903 г. Зубатов выехал во Владимир под гласный надзор полиции. После убийства Плеве новый министр Святополк-Мирский вызвал опального Зубатова в Петербург, назначив пенсию в 5 000 рублей. В 1905 г. ему неоднократно предлагали вернуться в МВД, но он отказывался. В феврале 1917 г. Зубатов застрелился.

Судьба рабочих-активистов зубатовских организаций была такова. В 1905 году они подали прошение Д. Ф. Трепову: «Ваше высокоблагородие! Сами изволите прекрасно знать, как успех руководимого Вами рабочего движения и перепугал, и взволновал врагов власти и порядка... Собрания наши почти прекратились из-за скандальной обструкции всевозможных видов оппозиции, мы, вожаки, не гарантированы уже от опасных оскорблений... и в довершении всего нам почти официально объявлено о прекращении казенной субсидии с сентября с.г. До настоящего времени денежная субсидия выражалась на всех в 400 р., а в отдельности по следующему расчету: М. Афанасьев 85 р., Н. Красивский 100 р., И. Соколов 70 р., И. Советов 30 р., В. Игнатьев 30 р., К. Косвелье 25 р., И. Белов 20 р., И. Платов 20 р., Г. Чепурин 20 р. А всего в год – 4800 р. Возлагаемые на нас охранным отделением в некоторых случаях агентурные поручения нам не по силам...» [10, с. 291]. На это прошение наложена резолюция Трепова: «Начальнику Московского охранного отделения. Не прекращать и не уменьшать содержание перечисленным в прошении лицам и не прерывать с ними сношений» [Там же].

Политика «полицейского социализма» была попыткой направить революционное движение в другое, законное, русло. «Необходимо, – писал Трепов, – урегулировать рабочее движение, дифференцировать различные его проявления и определить, с чем следует бороться, а что нужно только направлять» [1, с. 32]. Так считал и Зубатов.

Эффективность деятельности органов политического сыска являлась главной заботой МВД и Департамента полиции и достигалась различными путями и средствами. Многочисленные реформы, манипулирование

суммами ассигнований на агентурные расходы, создание рабочих организаций, подконтрольных правительству, и применение самого широкого спектра методов политической борьбы – все это свидетельствовало о постоянном поиске форм и методов достижения стабильности в обществе. Последнее было вряд ли возможно в силу консервативности российского самодержавного режима и отсутствия социальных реформ в обществе.

Список литературы

1. **Айнзафт С.** Зубатовщина и гапоновщина. М., 1925.
2. **Государственный архив Костромской области** (ГАКО). Ф. 655. Оп. 2.
3. **Государственный архив Ярославской области** (ГАЯО). Ф. 906. Оп. 4.
4. **Григорьевский М.** Полицейский социализм в России: что такое зубатовщина. СПб., 1906.
5. **Два документа по истории зубатовщины** // Красный архив. 1926. № 19.
6. **Жухрай В.** Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991.
7. **Зубатовщина и социал-демократия (по архивным материалам)** // Каторга и ссылка. 1924. № 8.
8. **Козьмин Б. П.** С. В. Зубатов и его корреспонденты среди охранников, жандармов и провокаторов. М. – Л., 1928.
9. **Лурье Ф.** Полицейские и провокаторы. М., 1992.
10. **Новое о зубатовщине** // Красный архив. 1927. № 1.
11. **Письмо С. В. Зубатова – В. Л. Бурцеву** // Козьмин Б. П. С. В. Зубатов и его корреспонденты среди охранников, жандармов и провокаторов. М. – Л., 1928.
12. **Процесс предателя-провокатора Окладского в Верховном суде.** Л., 1925.
13. **Спиридович А. И.** Записки жандарма. М., 1991.

S. V. ZUBATOV AND ZUBATOV MOVEMENT

Marina Stanislavovna Chudakova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
marichud@rambler.ru

The author reveals the variety of the political investigation forms and methods of the struggle with opposition at the turn of the XIXth-XXth centuries: from secret agents penetration to legal workers' organizations creation (within the framework of "police socialism") destined to limit labour movement by economic struggle excluding working class struggle for their political rights.

Key words and phrases: political investigation; Security Department; "police socialism"; Zubatov movement.

УДК 93/94

В статье рассматриваются основные направления изучения российской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) за последние два десятилетия. Делается вывод о том, что именно военная эмиграция стала организатором и обеспечила кадровую основу функционирования ряда культурных проектов российской диаспоры в Югославии.

Ключевые слова и фразы: адаптация; военная эмиграция; историография; национально-культурное пространство.

Николай Олегович Щупленков
Кафедра «История и философия»
Тамбовский государственный технический университет
shuplenkov.nikolai@gmail.com

Анна Анатольевна Арестова, к. филол. н., доцент
Кафедра «Иностранные языки»
Тамбовский государственный технический университет
annagvozdeva@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ©

В последние десятилетия история Российского Зарубежья привлекает все большее внимание отечественных ученых. Во многом это вызвано, на наш взгляд, востребованностью в современных реалиях опыта сохранения национальной культуры. Особенно впечатляет деятельность военной эмиграции в Югославии, где

© Щупленков Н. О., Арестова А. А., 2012